

© 2010 г. В.С. ПАНФИЛОВ

КОММУНИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Не будем торопиться с ответом, ведь когда целью является ответить, а не победить на беговой дорожке, выигрывает не расторопность, а правильность.

С. Кьеркегор. Философские крохи

Статья посвящена вопросу темо-рематической организации высказываний китайского языка. После уточнения понятий «тема» и «рема» следует классификация основных коммуникативных типов, а также выясняется соотношение синтаксических и коммуникативных ролей в простом предложении. Полученные результаты используются при рассмотрении коммуникативных возможностей включающих и сложных предложений.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Различаясь по характеру своих задач, структурный и коммуникативный синтаксис вместе с тем имеют некоторые «точки пересечения», поэтому представляется целесообразным предварить наше исследование хотя бы фрагментарным изложением основных понятий структурного синтаксиса, имея в виду, что более подробные сведения и развернутую аргументацию читатель может получить в нашей работе [Панфилов 1993].

Предложение есть иерархически организованная структура, предназначенная для передачи некоторого мыслительного содержания. Определение предложения как структуры означает, что оно понимается в качестве абстрактной единицы языка, схемы (модели) синтаксических отношений, которая может быть представлена в виде формализованной записи. Иерархичность организации предполагает, что в предложении имеется абсолютно господствующий элемент, синтаксическая доминанта, которую условимся называть *сказуемым*. Сказуемое – это вершина предложения, в грамматическом плане характеризующаяся категорией утверждения / отрицания и обозначающая признак в самом широком смысле слова. Сказуемое – это, строго говоря, не член предложения, но минимальное предложение или, что то же самое, репрезентант всего предложения [Ревзин 1977: 186].

Член предложения представляет собой категорию функциональную, это элемент предложения, имеющий синтаксическую связь либо со сказуемым, либо с предложением в целом. Материально член предложения может быть выражен отдельным словом, словосочетанием и даже предложением, поэтому, когда говорят, что член предложения синтаксически неделим, то имеют в виду целостность его позиции в иерархической организации предложения, а вовсе не невозможность охарактеризовать синтаксически компоненты члена предложения при его сложном материальном составе.

Речевую реализацию предложения будем называть *высказыванием*. Поскольку, однако, этим термином может быть обозначена любая речевая единица, подчеркнем еще раз, что данная работа имеет в виду только такие высказывания, структурным инвариантом которых является модель предложения. Таким образом, предложение, реализованное в речи, – это синтаксическая схема, получившая конкретное лексическое наполнение, упорядоченная линейно, произносимая с определенной интонацией, употребляющаяся

в определенном контексте и обладающая соответствующим этому контексту актуальным членением.

Реализацию предложения в речи, его превращение в высказывание будем называть *актуализацией*. Под актуализацией в современной лингвистике понимают «соотнесение потенциального (виртуального) знака с действительностью, состоящее в приспособлении виртуальных элементов языка к требованиям данной речевой ситуации посредством актуализаторов» [Ахманова 1966: 37]. Это определение приложимо не только к знаку, но и к синтаксической модели.

Применительно к лексике актуализация состоит в переводе лексической единицы из словаря в текст, в связи с чем лексическая единица может приобретать некоторые семантические характеристики, которых она лишена в словаре. Такие семантические характеристики, налагающиеся на лексические и синтаксические значения, будем называть *коммуникативными*, например: детерминированность (весьма удачное определение этого понятия представлено в [Ревзин 1973: 130]), референтность, определенность / неопределенность, финитность. Представленный в словаре лексический материал можно, несколько упрощая реальное положение вещей, подразделить на слова, требующие актуализации при включении в текст (имена и предикативы), и слова, выступающие в качестве актуализаторов. Например, А.А. Драгунов характеризовал актуализирующую роль наречий как превращение сказуемого неполной предикации в сказуемое полной предикации [Драгунов 1952 : 206].

Условимся различать *нулевую* и *ненулевую* ступени актуализации. Первая соответствует нереферентному употреблению понятия, будь то понятие предмета или признака, вторая, ненулевая ступень – референтному употреблению. Для слов предметной семантики нулевая ступень актуализации имеет место при обозначении класса предметов, в чем и состоит внеконтекстное, словарное значение таких слов (māo shì dòngwu «Кошка – животное»), тогда как ненулевая ступень актуализации сводится, в сущности, к выделению предмета из класса подобных, что осуществляется при помощи «определений» в самом широком смысле слова: shīzi shì gāoguìde dòngwu (10: 42)¹ «Лев – благородное

¹ Источники примеров:

1. Bā Jīn wénjì. Běijīng, 1958 (римская цифра – том).
2. Cáo Yú jùběn xuǎn. Běijīng, 1954.
3. Gāo Ēnguó и др. Dúmù huājù jì. Shànghǎi, 1964.
4. Hànyǔ jiàokē shū (shàng) Běijīng, 1958.
5. Huáng Shāng. Guòqùde zújī Běijīng, 1984.
6. Jīnwén guānzhǐ. Shāng Jīnlín zhǔbiān. Shānxī jiàoyu chūbǎnshè, 1998.
7. Lǎo Shè. Lǎo Zhāngde zhéxué. Dàlián, 1944.
8. Lǎo Shè duǎnpiān xiǎoshuōxuǎn. Běijīng, 1957.
9. Lǐ Erzhòng. Cuìyīng. Běijīng, 1964.
10. Lǐ Róng. Běijīng kǒuyǔ yǔfǎ. Běijīng, 1954.
11. Lǚ Shúxiang. Yǔfǎ xuéxí. Běijīng, 1954.
12. Máo Dùn quánjì. Běijīng, 1984.
13. Mèng Qiān, Sū Rú. Lù tiáotiáo. Běijīng, 1985.
14. Péng Ruìgāo. Nǚméndé zhuīqiú. Hénán rénmin chūbǎnshè, 1985.
15. Píng Déyīng. Shān Júhuā (xià juǎn). Běijīng, 1991.
16. Quánguó xiǎoshuō jiǎnghuò jiǎngluò xuǎn dàibǎo zuò jí pīpíng. Zhōngpiānjuǎn shàng. Chángshā, 1995.
17. Quánguó xiǎoshuō jiǎnghuò jiǎngluò xuǎn dàibǎo zuò jí pīpíng. Zhōngpiānjuǎn xià. Chángshā, 1995.
18. Shā Yèxīn. Shā Yèxīn jùzuò xuǎn. Nánjīng, 1986.
19. Shí Nián. Duǎnpiān xiǎoshuō jìkān. Běijīng, 1985.
20. Wáng Wènshí. Fēngxuězhī yè. Běijīng, 1959.
21. Xiàndài Hànyǔ chángyòng cíyǔ lìjiě. Shàngcè. Běijīng yǔyán xuéyuàn, 1982.
22. Yán Chéndé, Lǐ Rùnxīn. Zhōngguó xīn wénxué zuòpǐn xuǎn. Dì sān cè. Běijīng, 1980.
23. Zhāng Zhìgōng. Hànyǔ yǔfǎ chángzhī. Běijīng, 1954.
24. Zhèng Yìdé и др. Hànyǔ yǔfǎ nándiǎn shìyí. Běijīng, 1992.
25. Zhào Shùlǐ xuǎnjì. Běijīng, 1958.

животное»; *yuètáishang zhànle xǔduo rén* (1, II: 196) «На перроне стоит много людей»; *nàbiān pǎolái yīge rén* (23: 102) «Оттуда подбежал один человек». Для слов признаковой семантики нулевая ступень актуализации сводится к отсутствию финитности, т. е. к обозначению признака вне временных и количественных характеристик, что типично при констатации общих истин вроде *dìqiú wéirǎo tàiyang zhuǎn* «Земля вращается вокруг Солнца» [Huáng Nánsōng 1944: 444]; ненулевая ступень предполагает характеристику признака по интенсивности (наречия степени при прилагательных), его «количественную» оценку (счетные комплексы при глаголах), пространственно-временную локализацию: *nǐ zhèrén zhēn dú* (12, III: 87) «Ты уж очень жесток»; *tā jiàole tā yīshēng* (1, I: 145) «Он окликнул ее» (*один раз*); *wǒ zài zhège dìfang zhànle xǔjiǔ* (1, I: 269) «Я долго простоял в этом месте».

Применительно к синтаксической модели тоже можно говорить о нулевой и ненулевой ступени актуализации. В первом случае для реализации модели в качестве высказывания достаточно простой замены абстрактных символов соответствующими лексемами, например: $S_1VS_2 \rightarrow tā xué Zhōngwén$ «Он учит китайский язык». Во втором случае простой замены абстрактных символов конкретными лексемами оказывается недостаточно, поскольку необходимо передать еще и сопутствующие данной реализации коммуникативные значения, эксплицитным выражением которых и являются актуализаторы. В нижеследующих примерах выделены отрезки, опущение которых ведет к тому, что высказывание утрачивает законченность: *tā xiěle liǎngfēng xìn* «Он написал два письма», *ménkǒu zhànzhe jǐge rén* «У ворот стоит несколько человек», *tā hěn bù gāoxíngde qùle xuéxiào* «Она с большим неудовольствием отправилась в школу», *tā shāngxīnde kùqīlai* «Она горестно заплакала» [Huáng Nánsōng 1944: 445].

При речевой реализации модели предложения используются не только актуализаторы лексики, но и актуализаторы, обслуживающие высказывание в целом. К их числу относятся, например, конечные частицы, актуализирующая роль которых возрастает пропорционально той «деформации», которой подвергается модель предложения в процессе актуализации. Приводимые ниже примеры звучат неестественно, и этот недостаток может быть исправлен, если в конце каждого из них употребить частицу *ne*: *dàjiā kuāzhe nǐ* «Все хвалят тебя»; *tā zhèng xiězhe xìn* «Он как раз пишет письмо»; *tā zhèng huàzhe* «Он как раз рисует» [Kǒng Língdá 1994: 440].

Одной из сторон актуализации является линейное упорядочивание элементов высказывания, организация определенного порядка слов. Основная проблема, которая здесь возникает, – это разграничение исходного и производного словорасположения. Признаком исходного порядка слов является возможность нулевой ступени актуализа-

26. Zhōngguó xīn wénxué zuòpǐn xuǎn. Dìsì cè. Běijīng, 1980.

27. Zhōngguó xīn wénxué zuòpǐn xuǎn. Dìwǔ cè. Běijīng, 1980.

28. Zhōnghuā rénmin gònghéguó wǔshí nián wénxué míngzuò wénkù. Duǎnpiān xiǎoshuō juǎn (shàng). Běijīng, 1999.

29. Zhōnghuā rénmin gònghéguó wǔshí nián wénxué míngzuò wénkù. Duǎnpiān xiǎoshuō juǎn (xià). Běijīng, 1999.

30. Zhōnghuā rénmin gònghéguó wǔshí nián wénxué míngzuò wénkù. Sǎnwén záwén juǎn. Běijīng, 1999.

31. Zhōnghuā rénmin gònghéguó wǔshí nián wénxué míngzuò wénkù. Èrtóng wénxué juǎn. Běijīng, 1999.

32. Zhōnghuā sǎnwén zhēncáng běn. Yú Qiūyǔ juǎn. Běijīng, 1999.

33. Zhōnghuā sǎnwén zhēncáng běn. Yángshuō juǎn. Běijīng, 1998.

34. Zhōnghuā sǎnwén zhēncáng běn. Qín Mù juǎn. Běijīng, 1998.

35. Zhōngpiān xiǎoshuō xuǎn. Dìyī jí. Běijīng, 1984.

36. Zhōngpiān xiǎoshuō xuǎn. Dìyī jí. Běijīng, 1985.

37. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn. Shàng. Běijīng, 1999.

38. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn. Zhōng. Běijīng, 1999.

39. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn. Xià. Běijīng, 1999.

В тексте статьи соответствующая цифра указывает на источник в настоящем списке. После двоеточия дается номер страницы.

ции. Ненулевая ступень, в случае ее обязательности, свидетельствует о той или иной речевой «деформации» модели: неполной реализации (эллипсисе), производном порядке слов. *Tā duì wǒ rèqíng* «Он ко мне относится с теплотой» звучит вполне естественно, чего нельзя сказать об инверсии *duì wǒ tā rèqíng* «Ко мне он относится с теплотой»; последний пример можно сделать приемлемым только с помощью актуализаторов: *duì wǒ, tā yīzhí hěn rèqíng* «Ко мне он относится *прямо-таки* с *большой* теплотой» [Tán Jǐngchūn 1992: 96]. Самые разнообразные средства актуализации китайских синтаксических структур разных типов подробно рассматриваются в [Kǒng Língdā 1994: 435–438].

К сфере высказывания относится и понятие группы, в частности группы сказуемого. Высказывания *wǒ kàn shū* «Я читаю книгу» и *zhèben shū wǒ kànwánle* «Эту книгу я прочел» построены по одной и той же модели, однако в первом дополнение включено в состав группы сказуемого, тогда как во втором – выведено из нее. При анализе на уровне предложения подлежащее и дополнение суть парадигматически равноправные элементы – распространители сказуемого («актанты» в терминологии Л. Теньера, выявляющей их единый статус относительно сказуемого), но на уровне высказывания они могут оказаться неравноправны синтагматически в том смысле, что один из этих элементов может быть включен в состав группы сказуемого.

Центральный объект исследования коммуникативного синтаксиса составляют высказывания, являющиеся актуализацией структурной схемы предложения. Для описания их коммуникативного аспекта используются понятия, выработанные в так называемой теории актуального членения на материале, главным образом, простых предложений, но до известных пределов применимые также и к предложениям сложным.

Актуальное членение представляет собой логико-грамматический анализ высказывания, выделение в его составе *темы* и *ремы*. Тема – это то, о чем говорится в высказывании, а рема – это то, что сообщается о теме высказывания. Читатель без труда узнает в этих формулировках школьные определения подлежащего и сказуемого. Коммуникативная ориентированность этих определений совершенно очевидна и неоднократно подвергалась критике как некорректная в плане структурного синтаксиса.

Центральный компонент актуального членения – рему можно определить и как сегмент высказывания, который подпадает под вопрос. Соответственно, вопросительные местоимения в высказывании соотносительны с ожидаемой ремой. Доказательством рематичности местоименного вопросительного слова является и тот факт, что на какое бы слово в местоименном вопросительном предложении ни падало главное ударение, ответ всегда будет относиться к вопросительному слову. Где он *живет*? В Москве; Где он *живет*? В Москве; Где он *живет*? В Москве [Шевякова 1984: 74]. В неместоименном вопросе ответ будет каждый раз меняться в связи с передвижением главного ударения: Он *живет в Москве*? В Москве; Он *живет* в Москве? Живет; Он *живет* в Москве? Он [Там же].

В составе ремы иногда выделяется коммуникативно наиболее нагруженная часть, которую будем называть *коммуникативным фокусом* или *фокусом контраста*. Фокус контраста – это такой сегмент высказывания, к которому «напрашивается» продолжение «а не...»: Иван доверил мне *свою машину* (а не что-то другое) / Иван доверил *свою машину мне* (а не кому-то другому). Если китайский пример *wǒ dǎ diànhuà jiào chē* «Я позвоню вызвать машину» является ответом на вопрос *nǐ dǎ diànhuà gàn shénme?* «Зачем ты звонишь?», то интонационному выделению и выдвигению в фокус подвергается *jiào chē* «вызвать машину». Если же это ответ на вопрос *nǐ zěnmeyàng jiào chē?* «Как ты вызовешь машину?», то соответствующим процедурам подвергается сегмент *dǎ diànhuà* «позвоню» [Táng Qīyùn 1958: 84]. В ряде случаев семантика контраста («а не...») находит выражение в поверхностной структуре: *wǒ bùshì qùde Dàlián, shì qùde Shànghǎi* (24: 108) «Я поехал не в Далянь, а в Шанхай».

О фокусе контраста, в принципе, можно говорить и применительно к теме сообщения. Рассмотрим пример: Где Павел будет жить? При нейтральной интонации и вне контекста здесь усматривается идея, входящая в фонд общих знаний собеседников, – Павел должен где-то поселиться (тема сообщения), вопрос (рема) – где именно? Однако

это предложение будет читаться по-разному в контекстах, обеспечивающих различный фокус контраста в составе темы: С работой все ясно. Где Павел будет *жить*? / Николая устроили. Где *Павел* будет жить? [Николаева 1982: 22–23].

Пользуясь термином «фокус контраста», мы вполне сознательно несколько сужаем диапазон описания, чтобы для начала разобраться в сравнительно ясных случаях. Выражение контраста – это характерный, но не исчерпывающий прием акцентного выделения, которое в китайском языке представлено не менее выразительно, чем в русском. Так, в примере *Lǎolí jīntiān zhíbān ma?* «Лаоли сегодня дежурит?» ударение может падать на любое слово, соответственно разными будут и ответы [Lín Yùwén 1985: 96]. Смысловое поле акцентного выделения шире семантики противопоставления. Если уходящему человеку напоминают «*Ключи* не забудь!», никакого контраста здесь не предполагается [Николаева 1982: 24].

Противопоставление темы и ремы как логико-синтаксических категорий следует отличать от таких чисто семантических оппозиций, как «данное / новое», «известное / неизвестное», «определенное / неопределенное», «незначительное по важности / важное»: исследования последних лет препятствуют установлению однонаправленного соответствия темы левым, а ремы – правым членам перечисленных оппозиций [Николаева 1979: 170]. В частности, сочетание двух сообщений в одном простом предложении по типу «тема (новое) – рема» считается характерной чертой пушкинской прозы [Ковтунова 1979: 269]. Перечисленные семантические признаки способны вступать в различные взаимные сочетания, из которых наиболее естественны три: неопределенное и новое, определенное и новое, определенное и данное [Чейф 1982: 299].

Другой вопрос – материальное выражение компонентов актуального членения. Здесь нет каких-либо строгих ограничений, и каждый из них может быть выражен словом, словосочетанием, предложением; ср. [Николаева 1977: 306].

В высказывании могут присутствовать слова или словосочетания, поясняющие его в целом и стоящие вне актуального членения. Те из них, которые занимают начальную позицию, в одной из первых работ по актуальному членению были терминологически обозначены как исходная точка высказывания [Матезиус 1967: 241]. Таково слово *dìquè* «конечно» в примере *dìquè wǒ hěn gāoxìng* (1, Ш: 332) «Конечно, я очень рад».

Тема и рема допускают различное взаиморасположение. При нейтральной интонации и отсутствии в высказывании специальных выделительных средств тема предшествует реме (объективный порядок слов), однако изменение интонации, часто сопровождаемое и другими приемами актуального членения, способно обеспечить начальное положение ремы (субъективный порядок слов). Так, субъективный порядок слов представлен в примерах: *duō hǎo'a, shēnghuó! duō měi'a, àiqíng!* (16: 9) «Как хороша жизнь! Как прекрасна любовь!»; *zhēn lihai, zhè jiāhuo* (16: 605) «Уж очень крут этот парень»; *lěngle, quánshēn dū lěngle, jiù xiàng yīkuài shítou!* (1, VIII: 77) «Замерзло, все тело замерзло, как камень!»; *qùle, fùren lāzhe xiǎohái qùle* (1, I: 43) «Ушла женщина, таща малыша, ушла»; *méi jiànguó zhèyàngde shì, wǒ kuài qīshí suǐde rén* (8: 76) «Ничего подобного не видел у тех, кому скоро семьдесят».

Мы не выделяем высказывания с субъективным порядком слов в самостоятельные коммуникативные типы, но учитываем их лишь в качестве «эмоциональных» коррелятов соответствующих высказываний с объективным порядком слов.

Темо-рематическое подразделение предложения двоично, т.е. в каждом высказывании имеется одна тема и одна рема, которые в частном случае могут быть выражены однородными членами. Попытки усмотреть в некоторых высказываниях две темы не выглядят убедительно ни семантически, ни формально. Так, две темы находят в каждом из следующих примеров: *tā nèiben shū kěnéng yǐjīng mǎile* [Cáo Fénghǔ 1996: 172] «Он эту книгу, пожалуй, уже купил»; *zhèwèi xiǎojiě shēncái hěn měi* [Там же: 174] букв. «Эта – девушка – фигура – красивая». Думается, однако, что первый пример в целом сообщает что-то о нем, а второй – об этой девушке. Именно перед данными компонентами может быть помещен маркер контрастной темы *zhìyú* «что же касается...», а после них – частица *ne*, одна из функций которой – обозначение перехода к новой теме: *tā ne...* «что же

до него...». Остальная часть в каждом из примеров может предваряться рематическим shì (bùshì): zhèwèi xiǎojiěne, bùshì shēncái hěn měi «Что же до этой девушки, (она) вовсе не отличается хорошей фигурой».

Особо следует отметить не частые, но все же возможные примеры типа zhǐyǒu nǐ lián jiā yě bù gù (29: 258) «Только ты даже о доме не заботишься». В данном примере присутствуют два коммуникативных служебных слова – «только» и «даже», назначение которых – оформление фокуса контраста: «только ты не заботишься» (другие – заботятся), «даже о доме не заботишься» (о другом и говорить нечего). Может быть, «двухфокусная рема» – удачное терминологическое решение для подобных случаев.

Различные варианты темо-рематической организации высказывания можно подытожить, выделив следующие основные коммуникативные типы:

1) монорематические, коммуникативно нечленимые высказывания (рема совпадает с высказыванием в целом), содержательно интерпретируемые как сообщение о событии, действии, факте. Похоже, что именно к данному коммуникативному типу относится большинство реальных высказываний в речи [Николаева 1972: 50]. Примеры: huāyuán litou chūle shìqing (1, VI: 20) «В саду что-то случилось»; jīntian, shì tā mǎn sānshí (16: 373) «Сегодня ему исполняется тридцать»; bùshì wǒ pà sǐ, shì wǒ zǒng juéde wǒ hái méi xiǎngyǒu wǒ shēngde yīqiè (26: 10) «Я не боялась умереть, я просто чувствовала, что не получила еще всего от моей жизни».

2) расчлененные высказывания, содержательно интерпретируемые как характеристика предмета беседы: tāde fángjian shì nème wēnnuǎn (1, III: 11) «Ее комната такая уютная»; zhèshou shī wǒ zhēnshì xǐhuān (6: 1034) «Это стихотворение мне и впрямь нравится»; rìjì, shì xiě gěi zìjǐ kànde (5: 170) «Дневник пишется для собственного чтения».

3) расчлененные высказывания, содержательно интерпретируемые как уточненные ситуации. Ситуация может уточняться в отношении ее субъекта (примеры 1, 2), объекта (примеры 3, 4), длительности (пример 5), времени (пример 6), места (пример 7), цели (пример 8) и т.д.:

1) mǎ yào zǒu xiǎo lù, yòu bù shì wǒ yào zǒu. Shì nǐ qí mǎ háishì mǎ qí nǐ? (29: 658) «Лошадь захотела идти по тропинке, не я. – Так ты правишь лошастью или лошадь правит тобой?»; 2) bù shì wǒ zhǎo nǐ, shì Liú duìzhǎng zhǎo nǐ! (9: 11) «Не я тебя ищу, бригадир Лю тебя ищет!»; 3) tāmen xūyàode shì mǐfàn, bùshì yǎnshuo (1, I: 395) «Они нуждаются в рисе, а не в речах»; 4) wǒ hèn de hái bùshì tāmen, shì tāmen zuòde shìqing (1, VI: 46) «Я ненавижу вовсе не их, а то, что они творят»; 5) zhè rén zhuīqiú tā bùshì sān tiān liǎng rì le (35: 494) «Этот человек преследует ее уже не день и не два»; 6) kě shì wǒ míngtiān jiù yào kāigōng! Míngtiān! (12, III: 390) «Но я хочу, чтобы завтра же началась работа! Завтра!»; 7) guǎngào shì dài jiē xiǎoxiàng dū tiē (19: 498) «Афиши расклеены и на больших улицах, и в маленьких переулках»; 8) ràng wǒ huóxiàqu ba, bùshì wèile shēnghuó, shì wèile gōngzuò (1, III: 478) «Пусть будет дарована мне жизнь – не ради жизни, ради творчества».

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Помня о терминологическом разграничении предложения и высказывания, заметим, что корректная постановка вопроса о коммуникативном синтаксисе простого *предложения* предполагает исследование, с одной стороны, коммуникативных *возможностей* соответствующих синтаксических структур, с другой – соотношения синтаксических и коммуникативных ролей.

Как правило, актуальное членение предложения распознается лишь в контексте, однако существуют конструкции, актуальное членение которых единственное и поэтому ясно вне контекста. Основной принцип состоит здесь в том, что исходный порядок слов (модель предложения) оказывается приспособленным для реализации неединственного коммуникативного задания и сам по себе не несет какой-либо информации об актуальном членении высказывания. Например, интранзитивная структура tā pǎo «Он бежит» может соответствовать, во-первых, нерасчлененному монорематическому

высказыванию, подразумевающему вопрос *shénme shìqíng?* «В чем дело?»; во-вторых, расчлененному высказыванию с нормальной, т. е. совпадающей с группой сказуемого, ремой, что подразумевает вопрос *tā zuò shénme?* «Что он делает?»; в-третьих, расчлененному высказыванию со сдвинутой, т. е. не совпадающей с группой сказуемого, ремой, что подразумевает вопрос *shuí pǎo?* «Кто бежит?». Отход от исходного порядка слов, как минимум, сужает коммуникативные возможности конструкции, которые при использовании рематизаторов сокращаются до единственной: *pǎode shì tā* «(Тот, кто) бежит – он».

Под средствами актуального членения, наряду с интонацией и порядком слов, будем понимать темо-рематические маркеры, назначение которых сводится к тому, чтобы сузить коммуникативный диапазон исходной конструкции, если не свести его к реализации единственного коммуникативного задания. Эти средства подразделяются на маркеры темы и маркеры ремы. В качестве маркеров темы выступают, прежде всего, пауза как таковая, отделяющая тему от остальной части высказывания, и далее – пауза в сочетании с частицей. Один из китайских авторов называет пять таких частиц [Fàn Kāitài 1985: 403], однако частица *bā* как маркер темы встречается в единичных случаях, а частица *mā* попала в список по недоразумению: эта конечная частица либо выступает в качестве эмфатического варианта вопросительного *mā*, либо передает значение, очень близкое русскому «ведь» и ее присловное употребление возможно лишь в случае эллипсиса (*dà gūniang le ma...* «ведь уже взрослая девушка...»). В итоге показатели темы – это частицы *ā* и *nē* вместе с их вариантами, включая и фонетические стяжения. К маркерам темы относятся и предлоги *guānyú* «что касается» и *zhìyú* «что же касается» [Fàn Kāitài 1985: 403], хотя маркированием темы и не исчерпываются их возможные употребления.

Иногда сопоставляют предложения с одним и тем же лексическим составом, но с разными частицами при теме высказывания [Yú Mǐn 1957: 8]. Таким образом демонстрируют саму возможность употребления различных оформителей темы, оставляя в стороне важнейший для теории актуального членения вопрос – какими должны быть контексты для того, чтобы сравниваемые высказывания оказались коммуникативно корректны?

Частица *ā* – это выход из нейтрального коммуникативного режима, отказ от безразличного тона, с которым констатируют внеэмоциональные истины типа «дважды два – четыре»: *shēnghuó a, shēnghuó duōme měihǎo* (29: 12) «О, жизнь – жизнь так прекрасна!»; *xīn a! zhǐyào wǒde xīn hái zài tiàodong* «Сердце! Только бы билось мое сердце». Частица *ā* может маркировать и вынесенную в абсолютное начало высказывания рему – при субъективном порядке слов, как правило, связанным с повышенной эмоциональностью: *tòng'a, tuǐ tòngde hěn!* (2: 435) «Больно, очень больно ногам!».

Частица *nē* – это переход к новой, контрастной теме, которой, как правило, сопутствует новая рема. Эта частица может маркировать не только тематический контраст, но и контраст исходного пункта высказывания. Ср.: *wǒ yǐjīng juéding le. Nǐne?* (1, VIII: 221) «Я уже принял решение. А ты?»; *tā yǒu tāde xīnyǎng. Wǒne, jiùde xīnyǎng shīdiào le, xīnde hái bù céng quèdìng* (1, I: 180) «У нее есть ее вера. Я же старую веру потерял, новой не обрел»; *nà shíhou shìjièshang zhǐ yǒu huā, zhǐ yǒu guāng, zhǐ yǒu ài, zhǐ yǒu wēnnuǎn. Xiànzài ne, yīqiè du chéngle cāntòngde huíyì le* (1, II: 76) «Тогда в мире были только цветы, только свет, только любовь, только тепло. А сейчас – все стало болезненным воспоминанием».

Разница между предлогами *guānyú* «что касается» и *zhìyú* «что же касается» сводится к тому, что первый маркирует тему безотносительно к контрасту, тогда как второй обязательно предполагает контраст; ср.: *guānyú zhège wèntí Shànghǎi bàozhǐshang yě yǒu rén tāolùnguó* (1, IV: 248) «По этому вопросу в шанхайской прессе также были высказаны некоторые суждения»; *zhǐ yǒu xíngwéi cái nénggòu chuàngzàochu lǐláng. Zhìyú shūběn ne, nà zhǐ shì xiǎomó shēnghuóde dōngxì* (1, III: 152) «Только в реальном действии можно обрести силы. Что же до книг, то они только губят жизнь».

Рематизация потребует более обстоятельного разговора как в силу своего центрального положения в коммуникативном синтаксисе, так и в силу диалектичности данной

процедуры, ибо проведение рематической границы само по себе «высвечивает» и тему высказывания. Будем различать рематизацию по связочному типу и рематизацию по бытийному типу.

Рематизация по связочному типу – это проведение коммуникативных границ с помощью рематического показателя *shì*, омонимичного связке, с помощью показателя *de*, омонимичного форманту определения к существительному, и с помощью рамочной конструкции *shì...de*. Показателем *shì* маркируется левая (начальная), а показателем *de* – правая (конечная) граница рематического комплекса. Например, в интранзитивной структуре *tā pǎo* «Он бежит» могут быть проведены следующие коммуникативные границы:

- перед конструкцией в целом (*bù shì tā pǎo, shì tā zǒulù* «Неверно, что он бежит, он идет»);
- перед подлежащим (*bù shì tā pǎo, shì wǒ* «Не он бежит, а я»; этому пониманию соответствует акцентное выделение подлежащего);
- перед сказуемым (*tā bù shì pǎo, tā shì zǒulù* «Он вовсе не бежит, он идет»).

Рематизация подлежащего может сопровождаться инверсией группы сказуемого с одновременной ее номинализацией: *pǎode shì tā* «(Тот, кто) бежит – он».

Возможны примеры, когда показатель *de* допускает различные позиции в высказывании, тем самым по-разному проводя правую границу ремы. Возникающие при этом семантические различия могут быть весьма тонкими. Ср.: *tā shì zài Běijīng dàxué xuéde Zhōngwén* «Он учил китайский язык в Пекинском университете» (где он учил китайский язык?) / *tā shì zài Běijīng dàxué xué Zhōngwéndede* «Он учил китайский язык в Пекинском университете» (кто он такой? Чем занимался?) (4: 324).

Применительно к реме также можно говорить о контрасте; одна из функций служебного слова *què* «напротив» – маркирование контрастной ремы, совпадающей с группой сказуемого: *xiǎochuán zài fēnglàngde diǎnbōzhong yǐjiù zǒude hěn màn. Qítǐng què yuè lái yuè jīnle* (1, IV: 305) «Маленькая лодочка среди буйства волн по-прежнему едва двигалась. Катер, напротив, приближался все стремительней».

Транзитивные структуры, в принципе, обладают теми же возможностями обозначения коммуникативных границ, что и интранзитивные.

До сих пор мы обсуждали вопрос о рематизации тех или иных компонентов *минимальных* структур, исчерпывающихся предикативом – ядром и членами его оптимального окружения (конфигурационными актантами в иной терминологии). Общий вывод состоит в том, что как структура в целом, так и любой ее компонент допускают рематизацию. Рема в таких случаях, в силу своей краткости, совпадает с коммуникативным фокусом. В реальной же речи, где минимальные структуры встречаются сравнительно редко, действует правило: в коммуникативный фокус легче всего выдвигаются именно те компоненты конструкции, которые *не входят* в оптимальное окружение ее ядра [Wáng Huán 1983: 416]. Так, добавление «лишних» компонентов в элементарную структуру *tā pǎo* «Он бежит» сразу приводит к соответствующему коммуникативному эффекту: *tā shì zuótiān wǎnshang pǎode* «Он бегал *вчера вечером*»; *tā shì gēn wǒ pǎode* «Он бегал *со мной*»; *tā shì cóng nàr pǎoláide* «Он подбежал *оттуда*». Если в конструкции *shì...de* присутствуют два актанта, то лишь один из них, непосредственно примыкающий к *shì*, выдвигается в фокус контраста: *wǒ shì zuótiān gēn Zhāngsān mǎi piàode* «Я с Чжан Санем купил билет *вчера*» [Xiu-Zhi Zou Wu 2004: 154]. Сам же предикатив-ядро не поддается выдвигению в фокус [Там же], точнее – он поддается такому выдвигению, если состав ремы исчерпывается предикативом – самим по себе или в сочетании с компонентом оптимального окружения: *guǐ shì yǒude!* (1, II: 249) «Черти – *существуют!*»; *suǒwèi guǐshén shìshíshang shì bù cúnzàide* (21: 244) «Так называемые духи в действительности *не существуют*»; *fùqīn shì ài wǒde* (1, VIII: 165) «Отец *любил* меня»; *tā shì zhīdao zìjǐde* (1, II: 191) «Он-то *знал* самого себя».

Вообще рематизация предикатива-сказуемого осуществляется в китайском языке преимущественно с помощью синтаксических (трансформационных) приемов, основной смысл которых сводится к тому, чтобы «убрать» компоненты оптимального окружения

из послесказуемой позиции. Самый простой случай – эллиптическое сокращение конструкции до сказуемого: kànjian me? nà liǎngge chuān hēi dàshānde (12, III: 244) «Видите? Тех двоих в черных рубашках». Далее следует назвать широко распространенные инверсии актанта в предглагольную позицию с помощью предлога bǎ: wǒ yào bānǐ dǎsǐ (1, V: 391) «Я тебя убью»; wǒmen bawūzi bùzhíhaole (1, VIII: 173) «Мы комнату привели в порядок»; nǐ yě tài bawǒ xiǎokànle! (20: 82) «Уж очень ты меня низко ставишь!». Гораздо менее распространены подобные инверсии без участия служебного слова: wǒ jiǔ hēwánle (Zhōngguó yǔwén 1997, № 6: 417) «Я вино все выпил»; tāya, tiān bù pà, dì bù pà, zhǐ pà dǎléi (11: 23) «Он неба не боится, земли не боится, боится только грома».

Конструкция shì...de может существовать в усеченном виде, без одного из ее элементов, причем легче поддается опущению элемент shì, маркирующий левую границу ремы и непосредственно фокус контраста. Явно преобладающая тенденция в семантике данной конструкции – уточнение *состоявшегося* действия в отношении времени, места, участников и т.д. Отсюда – прошедшее время предиката, которое сопутствует маркеру de. Ср.: wǒ shì gēn Zhāng Sān qù Běijīng «Я с Чжан Санем *еду* в Пекин» / wǒ shì gēn Zhāng Sān qù Běijīng de «Я с Чжан Санем *ездил* в Пекин» [Xiu-Zhi Zoe Wu 2004: 126]. Еще несколько примеров: gēcǐ shì wǒ zuòde (1, I: 65) «Слова песни написаны *мною*»; huǒchē shì bādiǎnzhōng kāide (24: 100) «Поезд отошел *в восемь часов*»; wǎnfàn shì cóng jiālì dàilaide (31: 464) «Ужин принесли *из дома*»; tā shì zài Běijīng xuéde zhōngwén (24: 100); «Он учил китайский язык *в Пекине*»; xīn tóngxué bùshì zuótiān láide, shì jīntiān láide (24: 108) «Новые студенты прибыли *не вчера, а сегодня*».

Значение прошедшего времени в конструкции shì...de, по мнению некоторых авторов, реализуется только при глаголах действия [Sòng Yùzhù 1981: 274]. Менее характерно для рассматриваемой конструкции уточнение несостоявшегося действия, будущего или вневременного. Такое уточнение, как правило, касается возможности / невозможности самого действия, в связи с чем – почти регулярное наличие модального глагола непосредственно после shì. Весьма удачно данная семантика интерпретируется как «достоверность убеждения в полемическом контексте» [Тань Аошун 1995: 9]: zhè-zhōng ài shì bù huì sǐde (1, I: 222) «Такая любовь *не может* умереть»; zhè shì wǒmen shì bù néng zuòde (6: 81) «Это мы сделать *не в состоянии*»; wǒmen shì yǒngyuǎn bù néng dúlide (6: 243) «Мы *никогда* не сможем стать независимыми»; fùmǔ shì bù nénggòu fúze nǐmen zǒu yìbèizide (14: 51) «Родители *не могут* поддерживать вас всю жизнь»; yǐbān lái shuō gǒu shì bù gǎn rě dúshéde (31: 390) «Вообще-то собаки не трогают (*не смеют трогать*) ядовитых змей».

Для полноты картины упомянем специфические конструкции, в которых с помощью показателей shì...de осуществляется рематизация обстоятельства причины, выраженного глаголом. Непереходный глагол просто вклинивается между показателями, а переходный повторяется дважды – с дополнением и без него; ср.: tā tóu téng shì kūde (24: 107) «У него болит голова *от плача*»; tā tóu téng shì hē jiǔ hēde (24: 108) «У него болит голова *от выпивки*» (букв.: пить – вино – пить).

Поскольку конструкция shì...de в любом из ее вариантов употребляется для уточнения действия по части его актантов и сирконстантов, высказыванию с данной конструкцией должно предшествовать сообщение о самом наступлении действия (если последнее не подразумевается и не вытекает из контекста), что маркируется видо-временным le – при этом в фокус контраста могут попадать либо глагол, либо *послеглагольные* элементы [Zhōu Yīmín 1998: 272]. Таким образом, порядок следования le → shì...de есть *норма* в повествовании: wǒmen de xiǎoyú sǐle. Tā cóng péngzhōng tiàochulai sǐde (6: 884) «Наша маленькая рыбка умерла. Она, выпрыгнув из таза, умерла»; duǎnmíngde xiǎoyú sǐle! Shì shuí bānǐ cuīcán sǐde (6: 887) «Несчастливая рыбка умерла! Так кто же подтолкнул тебя к смерти?». Если же на вопрос tā zěnmeyàng? «Что с ним?» вместо tā sǐle «Он умер» отвечают tā sǐde «Да он же умер», то это сознательное нарушение нормы, поднесение неизвестного в упаковке для известного, и возникающую при этом модальную модификацию можно передать примерно так: «Это все знают, Вы тоже должны бы это знать, Странный вопрос».

На основании вышеизложенного мы имеем возможность представить убедительную интерпретацию примеров типа wǒ mǎide piào «1) купленный мной билет; 2) я купил билет». Сейчас нас интересует данный пример только во втором значении. По этому вопросу в китайской лингвистике сложилось мнение, что показатель de обозначает прошедшее время и входит в одну парадигму с глагольными показателями le и guo, отличаясь от последних принадлежностью к разговорному стилю речи [Xú Dān 1994: 183]. Между тем достаточно провести простейший эксперимент – заменить в разговорной речи показатели le и guo показателем de – чтобы убедиться, как минимум, в неполноте предложенной трактовки, ибо подобная замена будет сплошь и рядом давать неприемлемые результаты.

Пытаясь разобраться в вопросе, один из китайских авторов сопоставляет три примера, которые все одинаково переводятся на русский язык «Я писал (написал) стихи»:

Wǒ xiěle shī
Wǒ xiěguo shī
Wǒ xiěde shī [Yán Yībīng 1965: 476].

Недостаток данного подхода в том, что примеры рассматриваются «сами по себе», вне контекста. Их анализ исключительно с позиций структурного синтаксиса даст разве что констатацию более или менее известных различий между показателями le и guo, а самый интригующий, третий пример так и останется под вопросом. Помочь делу можно только с привлечением коммуникативной составляющей.

В том, что касается контраста guo / de следует прежде всего принять во внимание ставшее общим местом в китаистике разграничение guo₁ / guo₂. Первый более или менее аналогичен показателю le, отличаясь от него коммуникативно – ориентированностью на прединформацию в контексте [Liú Yuèhuā 1989: 309], дистрибутивно – сочетаемостью с узким кругом глаголов, обозначающих «обычные» события [Там же], формально – сочетаемостью с le, что позволяет говорить о формировании показателя guole. Таким образом, не считая ориентированности на прединформацию, контраст guo₁ / de примерно аналогичен контрасту le / de (см. ниже).

Контраст guo₂ / de относится к контекстным данным, ибо высказывания с этими показателями, будучи семантически не самодостаточными, обнаруживают различный характер зависимости от контекста.

Guo₂ информирует об опыте, который имел субъект действия («испытанность» как это иногда называют) и который служит основанием для тех или иных выводов, поэтому типичное значение таких высказываний – причина, резон, предпосылка какого-либо события [Zhèng Yídé et al. 1992: 77, 78]. В одном из практических пособий по китайскому языку этот трудный для начинающего нюанс стараются пояснить, демонстрируя, как по-разному могут быть продолжены высказывания с le (*наступление* события) и высказывание с guo₂ (*приобщение* к событию): tā dào nàge shūdiàn qùle (suǒyǐ bù zài sùshèli) «Он пошел в книжный магазин (поэтому его нет в общежитии)» / tā dào nàge shūdiàn qùguo (suǒyǐ tā rènshi shūdiàn zài shénme dìfang) «Он бывал в том книжном магазине (поэтому знает, где магазин находится)».

То, что может следовать из высказывания с guo₂, чаще подразумевается, но иногда бывает выражено в явной форме, и тогда семантика данного показателя становится особенно отчетливой: nǐ jìrán kànguo zhège diànyǐng, nème wǒ jiù bù gěi nǐ mǎi piào le (24: 80) «Поскольку ты видел этот фильм, я не купил тебе билет»; bùguò tā kànguo yìxiē fānyì xiǎoshuō, yě luèluè zhīdao yīdiǎn xīyáng rénde shēnghuó qíngxíng (1, VI: 115) «Однако она читала некоторые переводные романы и немного разбиралась в стиле жизни западных людей». Высказывание wǒ xiěguo shī «Я писал стихи (был у меня такой опыт)» могло бы служить ответом на вопрос «Как вы можете судить о поэзии?» или предпосылкой для утверждения «Я разбираюсь в стихосложении».

В предложении wǒ xiěde shī «Я написал стихи» речь идет либо о том, что *ожидавшееся* событие осуществилось, либо о том, что оно привело к ожидавшемуся результа-

ту, однако в любом случае предполагается явное или подразумеваемое предупоминание соответствующего события. Такую фразу мог бы произнести тот, кто всем своим поведением продемонстрировал, что садится за стихи и теперь оповещает, что ожидавшийся результат достигнут. Равным образом, кто-либо, отправляющийся за билетами, может по возвращении заявить: *wǒ mǎide piào* «≈ Все в порядке, купил».

Рассмотрим контраст *le/de*. Само по себе высказывание *wǒ xiěle shī* «Я написал стихи» коммуникативно незакончено. Оно соответствует бессоюзному придаточному времени и нуждается в добавлении главной части, например: *wǒ xiěle shī jiù zǒule* «Я написал – стихи и сразу ушел». Существуют различные способы актуализировать рассматриваемую конструкцию: фразовое *le*, распространители дополнения, в частности, количественные. Приняв последний вариант, мы приходим к противопоставлению следующих трех примеров:

- (a) *wǒ xiěle shī* «Я написал стихи»
- (b) *wǒ xiěle yīshǒu shī* «Я написал одно стихотворение»
- (c) *wǒ xiěde shī* «≈ Готово, написал стихи»

Тип (c) противостоит типу (a) отсутствием таксисного употребления и ориентированностью на предынформацию, а типу (b), грамматически и семантически самостоятельному, не только зависимостью от контекста, но и типом дополнения, которое в конструкциях (c) не допускает никаких определений [Lǐ Nè et al. 1998: 100]. Конструкция (c) – это одна из возможностей выдвинуть в рему предикат «в чистом виде»; ср. [Вольф 1985: 135].

Таким образом, противопоставление конструкций с *le/guo/de* происходит по таким признакам, как формально-семантическая самодостаточность, характер зависимости от контекста, синтактика дополнения, характер актуального членения.

Если семантика преобразований по связочному типу – уточнение ситуации посредством выдвижения в рему того или иного члена предложения, то преобразования по бытийному типу – это глобализация ситуации и монорематизация высказывания.

В китайском языке имеется некоторое количество так называемых бытийных глаголов с общим значением появления или исчезновения. Исходным порядком слов для конструкций с бытийным глаголом является постпозиция подлежащего относительно глагола. Подлежащее выступает как недетерминированное (неопределенное), а конструкция в целом есть монорематическое высказывание, предполагающее вопрос *fāshēng le shénme shìqíng?* «Что случилось?»: *luò xuě le* (1, VIII: 72) «Пошел снег»; *zǎochen xiàle shuāng* (29: 413) «Утром выпал иней»; *ā, lì qiū le* (33: 138) «А, наступила осень»; *chū le shì le!* (27: 173) «Случилась неприятность»; *guòle sān nián* (19: 354) «Прошло три года». Инверсия подлежащего в предглагольную позицию обусловлена его детерминированностью (ненулевая ступень актуализации), которая, однако, не обязательно находит выражение в поверхностной структуре: *yǔ xiàde gèng dà le* (14: 160) «Дождь (который сейчас идет) усилился»; *fēng tíng le* (28: 457) «Ветер (который только что дул) прекратился».

Преобразование по бытийному типу – это перестановка подлежащего не-бытийной конструкции в постпозицию к глаголу. Эта операция, как правило, сопровождается наличием распространителей со значением места или времени в начале высказывания, которое, таким образом, обретает смысл «в таком-то месте (в такое-то время) происходит то-то»: *héshuǐshàng tiàozhe yuèguāng* (29: 83) «На реке дрожит лунный свет»; *qiàqià zài zhè shíhòu yìwáide lái le àiqíng* (1, III: 536) «Как раз в это самое время вопреки всем ожиданиям пришла любовь».

Недетерминированность послеглагольного подлежащего при рассматриваемых преобразованиях является явно преобладающей тенденцией, однако исключения из этого правила также встречаются; ср. следующие примеры: *zhèlǐ bù zhù nánrén* (29: 349) «Здесь не живут мужчины»; *zhèzuò jiānyùlǐ táo chūqù sānge fàn rén*. (Dòngcí yòngfǎ cídiǎn 1987: 708) «Из этой тюрьмы сбежали трое преступников»; *yǐzishàng zhǐ néng zuò rén, zěnme néng zhàn rén?* (31: 337) «На стульях можно только сидеть (сидеть – человек),

как можно стоять (стоять – человек)?»; shùpí xiǎowūli shuìzhe tāde dìdì! (31: 241) «В маленьком шалаше из древесной коры спит ее братец!»; báisède xiǎo chuángshang, tǎngzhe nàge bù xìngde xiǎo nánhái (31: 238) «В белой кровати лежит тот самый несчастный малыш».

Несмотря на принципиальную возможность решения различных коммуникативных задач в рамках исходного порядка слов, имеются основания ставить вопрос о большей предрасположенности модели предложения к реализации какого-то одного из коммуникативных заданий. Этим в свою очередь обуславливается различное соотношение синтаксических и коммуникативных ролей.

В структурах интранзитивных (tā pǎo «Он бежит»), квалифицирующих (tā shì xuésheng «Он студент»), квантитативных (tā èrshí suì «Ему двадцать лет»), локализирующих (tā zài zhèr «Он здесь») при исходном порядке слов и нейтральной интонации рематизация сказуемого происходит автоматически, без каких-либо дополнительных условий. Так же автоматически подлежащее обретает статус темы. Изменение этих ролей на вторичные, т.е. рематизация подлежащего и превращение сказуемого в тему, требует уже использования специальных средств.

В транзитивных (wǒ xiě xìn «Я пишу письмо») и бытийных (lái le kèrén «Пришли гости») структурах при исходном порядке слов и нейтральной интонации в качестве ремы выступает *группа сказуемого*. Дополнение и послеглагольное подлежащее входят при этом в состав ремы, будучи лишены самостоятельной роли в актуальном членении. Такое понимание вопроса отражается и в терминах «нормальная» (совпадающая с группой сказуемого) и «сдвинутая» (не совпадающая с группой сказуемого) рема [Падучева 1985: 117].

Рематизация дополнения означает сдвиг рематической границы вправо, когда тема сообщения – известная или предполагаемая известной ситуации уточняется в отношении одного из участников: tā jiāode shì suànxué (11: 82) «То, что он преподает – математика»; hǎiyángshang jiànde wǎngwǎng shì yīpiàn wāngyáng, shuǐ, shuǐ, shuǐ (6: 1390) «То, что видишь на морях – сплошная влажная стихия – вода, вода, вода»; wǒ shì zhǎo rén, yòu bùshì zhǎo fángzi (28: 677) «Я ищу человека, а вовсе не жилье»; tā yǐjīng bùshì xiàngzhe wǒmen shuō, érshì xiàngzhe tiān shuō (29: 512) «Он обращался уже не к нам, а к небу»; tā xiǎngde shì wèilái, bùshì guòqu (1, VI: 340) «Он думал о будущем, не о прошлом».

Для зависимого подлежащего рематизация нетипична, что вполне понятно, если учесть интродуктивную семантику бытийных предложений (сообщение о глобальной ситуации с неопределенным участником). Однако если контекст тем или иным способом подсказывает бытийную ситуацию, перенос акцент на ее участников, то становятся возможными высказывания типа: mén kāile, jīnláide shì lǎo Zhǎo (28: 159) «Дверь отворилась (кто-то должен войти, кто именно?), вошел старый Чжао».

Статус темы как дополнение, так и зависимое подлежащее обретают только при инверсии в начало предложения, что осуществляется на ненулевой ступени актуализации, при детерминированности инверсируемого элемента и финитности глагольного сказуемого: yīshang wǒ mǎile «Одежду я купила»; tāde shìqing wǒ zìrán zhīdao (1, VIII: 240) «Его дела я, конечно, знаю»; zhèzhang shāfā wǒ hǎoxiàng yǐqián zài nǎr jiànguò (18: 198) «Этот диван я вроде раньше где-то видел»; yǔ hái zài bù tíngde xià (17: 1342) «А дождь все идет не переставая»; fēng tíngle (28: 457) «Ветер прекратился».

Всем рассмотренным синтаксическим единицам как обладающим *полным набором* коммуникативных ролей противостоят в целом факультативные распространители, лишённые этого признака. Некоторые из них (тематическое подлежащее, слово-тема, определение к сказуемому, обстоятельство) способны к единственной коммуникативной роли, другие (определение к предложению, второстепенное сказуемое) в принципе лишены собственного коммуникативного статуса.

Тематическое подлежащее и *слово-тема* помещаются в начале предложения и минимально различаются синтаксически: первое выступает в корреляции с кореферентным элементом, обнаруживающим предикативную связь с ядром (ребенок – он у нас послушный), второе лишено этого признака и выступает по отношению к остальной

части как нечто абсолютно внешнее, что нередко сопровождается интонационным обособлением (ребенок! чего я не сделаю для его счастья). Однако в коммуникативном плане эти члены предложения идентичны и, как показывает само их название, могут выступать только в роли темы: ā! shēnghuó, nǐ shì duōmo jiānnán! (16: 34) «Ах, жизнь, как ты трудна!»; shuǐ! kuài batā xiàngěi shāmo (30: 301) «Вода! Дайте скорее ее пустыне»; xīwàng, duōmo měimiàode zìyǎn (Zhōngguó qīngnián bào 3-28-94: 3). «Надежда – какое прекрасное слово»; yìshu, nǐ dǒngde shénme yìshu! (36: 251) «Искусство – что ты смыслишь в искусстве!»; guījù! nǐ dào xiànzài hái jiǎng guījù! (1, V: 491) «Манеры! Ты все еще толкуешь о манерах!».

Определение к сказуемому при нейтральной интонации и исходном порядке слов, располагаясь перед сказуемым, входит в состав ремы на правах одного из ее компонентов: Gāo shūji bù xiāngxìn de xiào xiào (37: 106) «Секретарь Гао недоверчиво усмехнулся»; tā jí máng fúzhù yīkē xiǎoshù (70: 226) «Он поспешно ухватился за невысокое дерево»; hēiàn yīmiàozhōng yīmiàozhōng de jiāngjiā (1, VIII: 351) «Тьма с каждой секундой сгущалась все больше».

При инверсии в предподлежащую позицию определение к сказуемому становится исходным пунктом сообщения и обретает черты сходства с определением к предложению, т. е. не входя в состав ни темы, ни ремы, как бы поясняет высказывание в целом: jiànjiànde, tā duì tā fāshēngle gǎnqíng (13: 246) «Постепенно у него к ней возникло чувство»; hěn kuàide tāmen ba yīqiè dū ānpáihǎole (1, III: 330) «Очень быстро они все расставили (на столе) как надо»; mànmande, zhè fùzǐ liǎngwèi dū kūwánle (12, IV: 139) «Понемногу отец с сыном успокоились (перестали плакать)».

Если говорящий хочет обратить внимание на качественную характеристику известного или предполагаемого таковым действия, определение к сказуемому может быть рематизировано различными способами. Самый простой – акцентное выделение: huózhe huílaile! (28: 141) «Живым вернулся!»; tā pà, pàde lihai! (15: 94) «Она боялась, ужасно боялась!». Другая возможность – парцелляция, выделение синтаксической единицы в самостоятельный компонент линейного развертывания: gánér, xiànzài, wǒ háishi kūle! Qiāoqiāode (30: 346) «Однако сейчас я все-таки плакал! Беззвучно»; tā zǒule, píngpíng jìngjìng (32: 151) «Он ушел, тихо и спокойно».

Менее характерна рематизация определения к сказуемому с помощью рематического показателя shì, подробно рассматривавшегося выше, а также с помощью показателя jiù «именно», более употребительного в сфере обстоятельства (см. ниже), однако примеры подобного рода все же встречаются: zhèyīqiè, dū jìdé shì duōmede qīngchu ā (70: 38) «Все это вспомнилось до чего же отчетливо»; wǒ liǎ jiù zhèyàngde fēnbiéle (22: 188) «Вот так мы двое и расстались».

Обстоятельство отличается семантическим многообразием и обладает максимальным набором позиционных возможностей в составе высказывания: перед подлежащим, перед группой сказуемого, в составе группы сказуемого, после группы сказуемого, однако в коммуникативном плане все виды обстоятельств объединяет способность к единственной – рематической – коммуникативной роли. При отсутствии специальных рематизирующих средств предподлежащая позиция означает, что обстоятельство, поясняя высказывание в целом, выступает в качестве исходного пункта сообщения. Рематизация такого обстоятельства (субъективный порядок слов) достигается с помощью показателя jiù «именно, как раз»: jiù zài zhèlǐ shuǐjiào? (6: 949) «Вот прямо здесь и спать?»; jiù zài zhè shí mén xiǎngle (39: 373) «Именно в этот момент скрипнула дверь»; jiù zài zhè yī nián, kāishǐle kàngri zhànzheng (37: 38) «Как раз в этот год и началась антияпонская война». Сравните следующий пример, где чисто интонационная рематизация вынесенного в начало обстоятельства тут же «закрепляется» и усиливается коммуникативным «именно»: zài zhèlǐ, jiù zài zhèr wǒ xiàle shuǐ, yóuguòle Huánghé (16: 561) «Здесь, именно здесь я прыгнул в воду, переплыл Хуанхэ».

Позиция перед группой сказуемого отличается от рассмотренной разве что несовместимостью с ролью исходного пункта сообщения. В остальном (семантика, рематизация) положение дел сходное.

Положение в составе группы сказуемого наиболее благоприятно для рематизации обстоятельства, которая естественно происходит за счет самого присутствия факультативного компонента при сказуемом. Наличием рематического показателя достигается выдвижение обстоятельства в фокус контраста в составе ремы – группы сказуемого. Вспомним приводившийся выше пример *tā shì zài Běijīng dàxué xuéde Zhōngwén* «Он учил китайский язык в *Пекинском университете* (а не в каком другом учреждении)». Аналогичные примеры: *wǒ shì shàng xīngqīliù kànjian tāde* (11: 111) «Я видел его *в прошлую субботу*»; *wǎnfàn shì cóng jiālì dàiláide* (31: 464) «Ужин принесен *из дома*»; *tāmen shì zuò qìche láide* (24: 98) «Они приехали *на машине*»; *zhònggrén jiù zài tángwūli tánhuà* (1, VI: 223) «Все беседовали *прямо в приемной*»; *diàndēng jiù zài zhèshí wánquán mièle* (1, VI: 351) «Лампа *как раз в этот момент* совсем погасла».

Позиция после группы сказуемого возможна не для всех обстоятельств. Например, обстоятельства времени (когда?) обретают эту позицию, кажется, только с помощью парцелляции: *wǒ jiā dànán yào jiéhūnle, jiù zài zhège xīngqitiān* (16: 718) «Мой старший сын на днях женится, *как раз в это воскресенье*». Вообще позиция обстоятельства в высказывании определяется факторами как семантического, так и формального порядка (способ выражения, дистрибуция служебного показателя). Некоторые обстоятельства одинаково легко располагаются как перед, так и после сказуемого. Таковы обстоятельства причины с предлогом *yīnwèi* «из-за»; ср.: *yīnwèi háizi, tā wàngle zuótian, yě bùshèn sisuǒ míngtiān* (19: 354) «Из-за ребенка она забыла о вчерашнем и не слишком задумывалась о завтрашнем»; *wǒ zhùyì tā, dàgài jiù yīnwèi tāde zhèzhong bēiāi* (1, II: 346) «Я обратила на него внимание, наверное, именно из-за этой его печали». Напротив, оформленное предлогом *wèi* (*wèile, wèizhe*) «из-за; ради» явно тяготеет к позиции перед сказуемым. Перенос данного обстоятельства в постпозицию встречается сравнительно редко, однако эффект рематизации проявляется при этом особенно ярко; ср.: *wǒ wèi nèixie nánǚ qīngnián xiěxià zhèbu xiǎoshuō* (1, V: 3) «Я ради тех юношей и девушек написал тот роман»; *fùqin chángcháng wèizhe tānlán ér shīdiàole rénxìng* (6: 1025) «Отец часто из-за своей скаредности терял человеческое достоинство»; *wǒ gànle, wèi nǐde jiànkāng* (37: 140) «Я выпил до дна – за твоё здоровье»; *tā gēn nǐ jiéhūn shì wèile móuhài wǒ* (38: 520) «Он женился на тебе ради того, чтобы делать мне гадости».

Определение к предложению и второстепенное сказуемое представляют собой синтаксические единицы, лишённые самостоятельного коммуникативного статуса.

Определение к предложению помещается либо в начале предложения, либо перед группой сказуемого, но в любом случае, поясняя высказывание в целом, находится вне его актуального членения: *zǒngzhī, bù yào ba shíjiān wánquán làngfèi zài nǚrénde shēnshang* (1, III: 271) «В общем, не следует все время тратить на женщин»; *zhèxiē shìqíng shuōqǐlái jiào rén hěn nán xiāngxìn* (1, VI: 18) «Подобные вещи, по правде сказать, людям трудно принять».

Второстепенное сказуемое также может находиться либо перед группой сказуемого, либо в абсолютном начале предложения, перед подлежащим. В первом случае оно выступает как коммуникативно менее важная часть в составе ремы, своего рода «определение» к реме, во втором – полностью выводится из темо-рематического деления высказывания; ср.: *tā wàngzhe piànzi, jiǔjiǔde chénsī bù yǔ* (33: 195) «Он, разглядывая веер, долго хранил молчание»; *tuīkāi mén, wǒ zhēngzhùle* (14: 59) «Открыв дверь, я остолбенел».

Включающее и сложное предложение

Несколько замечаний из сферы структурного синтаксиса представляются целесообразным предварением собственно коммуникативного подхода к материалу.

Член предложения есть единица функциональная, это элемент предложения, имеющий формально-семантическую (синтаксическую) связь либо с синтаксической доминантой предложения – сказуемым, либо с предложением в целом. Материально член предложения может быть выражен словом, словосочетанием, предложением. Предло-

женческое выражение синтаксической единицы – центральный пункт в рассмотрении интересующего нас материала.

Основные синтаксические функции – сказуемое, подлежащее, дополнение. При предложенческом выражении этих синтаксических единиц мы получаем так называемые предложения с включенной частью (включенные, или включающие предложения). Предложенческое выражение обстоятельства – это придаточная часть сложного предложения.

Предложение-сказуемое в семантическом плане представляет собой делиберативный объект (содержание чувства, мысли, речи...) и в качестве подлежащего имеет синсемантическое имя с абстрактным значением (wèntí «вопрос», shìqíng «дело», yuányīn «причина», xīwàng «надежда», yìsī «мысль»): tāde dìyige sīxiǎng shì: Zhōu Rúshuǐ jiǎnzhí shì zhēngqǐ yǎnjīng zài zuòmèng (1, III: 258) «Его первой мыслью было: Чжоу Жушуй просто грезит наяву»; tāmen wéiyīde xīwàng shì: zhàzhēng bù yào kuòdà, shíjù hěn kuàide píngjìng xiàlái (13: 7) «Единственная их надежда была: война не будет расширяться, все скоро успокоится»; wèntí zàiyú: tā zhège rénde shèhuì guānxi tài fùzále (14: 316) «Вопрос в том, что его связи с людьми были слишком запутанными»; jiélùn shì zhècì wǔzhuāng bàodòng gēnběn bù gāi gāo (15: 213) «Вывод состоял в том, что это вооруженное восстание вообще не следовало проводить»; fǎnkàngde jiéguǒ shì tā tuōlíle jiātíng (1, III: 186) «Результатом этого противодействия было то, что она покинула семью».

Предложение-подлежащее встречается в связочных конструкциях, обозначающих подведение ситуации или события под некоторую категорию, как правило, с дополнительными оценочными значениями: wǒ sǐle, nà shì wǒde fúqì (2: 143) «Я умер – это благо для меня»; yīge qīshíbā suìde lǎorén ba zìjǐ guān zài fángjiānli zǒng bùshì ge ràng rén fàngxīnde shì (39: 494) «Семидесятивосьмилетний старик запирается в доме – это не внушающее спокойствия дело»; wǒ yǒu nǐmen zhèyī duì kěàide ernǚ, zhè yīzhong xìngfú (1, I: 331) «У меня есть вы двое – любимые сын и дочь – это настоящее счастье»; zǎochen yángguāng cóng chuāngdòng zhàojìnlái, shì yīge měilide qíngtiān (1, I: 333) «Утром солнечные лучи проникли через окно – красивый ясный день»; rénjiā yào kāichú wǒ yě chéngle wǒde sixiǎng wènti le me? (25: 200) «Они хотят меня исключить, (это и) стало вопросом моих политических взглядов?».

Предложение-подлежащее встречается и в каузативных конструкциях. Это вполне понятно, поскольку в каузативных конструкциях даже именное подлежащее чаще обозначает не лицо, но событие. Так, в высказывании *Он мешает мне отдыхать*, имеется в виду не «он» как таковой, но какие-то его действия и поступки. Каузативные конструкции с предложением-подлежащим являются результатом эксплицитного выражения событийной семантики каузатора: tā chuīkāi chuāngzi, ràng qīngliángde yèfēng chuījìn xiǎowū (16: 633) «Он открыл окно, впустил в комнаты свежий ночной ветер»; sìge niánqing nǚzi zǒuchūle zhège fángjian, ràng qíyúde rén tánhuà gèng fāngbiàn yīdiǎn (1, V: 293) «Четыре девушки вышли из этой комнаты, что позволило оставшимся беседовать немного свободнее»; tā zhǐgù dàbù zǒuzhe, shǐdé Zhì Liáng yǒuxie luòhòule (19: 142) «Он широкими шагами продвигался вперед, так что Чжи Лян начал немного отставать».

Предложение-дополнение оказывается возможным после модусных глаголов, раскрывая содержание чувства, мысли, речи (делиберативный объект): Díkǎer shuō, wǒ sī, gù wǒ zài (36: 321) «Декарт сказал: я мыслю, следовательно – существую»; wǒ zhēn xīwàng tā lái (26: 8) «Я, действительно, надеялась, что он придет»; tāmen zhīdao: yè lái (6: 614) «Они знают: ночь наступила»; nǐ kàn, yuèliang chūláile (1, VI: 435) «Взгляни, луна взошла»; wǒ gào su tā chūntiān yǐjīng dào (17: 1363) «Я сообщил ему, что весна уже пришла».

Мы не будем столь же подробно останавливаться на сложном предложении, поскольку в этом вопросе представлена гораздо более обширная сфера согласия. Основные типы сложных предложений, как и соответствующие примеры, разумно признать общеизвестными. Ограничимся самым общим замечанием.

По аналогии с вышеизложенным материалом одно из непосредственно составляющих сложного предложения – придаточную часть – есть смысл интерпретировать

как предложенческое выражение обстоятельства. Таким образом, семантика сложного предложения состоит в сопоставлении двух событий. Основное событие излагается в главной части, а сопутствующее, излагаемое в придаточной части, поясняет, «определяет» главное в каком-либо отношении (время, причина, цель и т.д.).

Если актуальное членение простого предложения нельзя признать детально разработанным разделом китайской грамматики, то применительно к включающим и сложным предложениям вопрос об актуальном членении как будто вообще не ставился. Между тем параллелизм словесного и предложенческого выражения функциональных единиц позволяет в довольно широких пределах анализировать коммуникативный аспект включающих и сложных предложений с учетом того соотношения синтаксических и коммуникативных ролей, которое действительно для предложения простого. При этом считается само собой разумеющимся, что включающие и сложные предложения рассматриваются в коммуникативном соотношении их непосредственных составляющих и, к примеру, придаточное предложение внутри сложного, как правило, представляет собой единый монорематический компонент, ср. [Гак 1975: 59].

Предложения с включенной частью-сказуемым относятся к коммуникативному типу «характеристика предмета беседы», а все остальные включающие и сложные предложения – к типу «уточнение ситуации». Коммуникативные возможности включенных предложений – сказуемых, подлежащих, дополнений – те же самые, что и при словесном выражении данных синтаксических единиц. Все они обладают полным набором коммуникативных ролей; есть также основания говорить о первичности рематической роли для предложения-сказуемого и тематической – для предложения-подлежащего.

Остановимся специально на предложении-дополнении при модальном или модально-модусном глаголе ввиду некоторой специфики коммуникативного оформления этих структур. Их темо-рематический анализ не может обойтись без содержательных характеристик «данное / новое». При исходном порядке слов, нейтральной интонации и отсутствии контекстных данных, обеспечивающих монорематичность предложения в целом (вопрос: *zěnmele?* «В чем дело?»), ремой выступает предложение-дополнение, передающее *новую* информацию; сказуемое этого предложения допускает оформление с помощью видо-временного *le*, чем достигается его выдвижение в фокус контраста. Модусный глагол, напротив, такого оформления не допускает, даже если фактически подразумевается тот или иной вариант претерита, так что высказывание «Он *сказал*, что не пойдет» должно иметь вид *tā shuō tā bù qù* [Xiu-Zhi Zoe Wu 2004: 280]. Возможно, однако, изменение коммуникативных ролей, если дополнение – делиберативный объект содержит известную информацию и выступает в качестве темы, тогда как «новое» сводится к способу поднесения этой информации; в таких случаях в рему выдвигается модусный глагол как таковой, который таким образом обретает возможность оформления видо-временным *le*: *tā yòu dàshēngde shuōle tā bùqù* «Он *еще раз громко* сказал, что не пойдет». Изложенное хорошо подтверждает уже отмечавшееся в китаистике положение, что видо-временное *le* факультативно лишь относительно своего категориального значения, однако его присутствие или отсутствие регулируется и другими факторами, в частности, соображениями актуального членения [Цуканов 1982: 121–122].

Какой коммуникативный эффект дает инверсия модусной части в конец высказывания? Речь идет о примерах типа: *wǒde tàidu shì bù hǎo, wǒ chéngrèn* (3: 170) «Моя позиция была неправильной, я признаю»; *wǒ ài nǐ, zhè nǐ zuì zhīdao* (38: 471) «Я люблю тебя, это ты прекрасно знаешь»; *zhèyang niánqingde xiǎohuǒzi jiù gǎnshangle lǎorén kě, pǎge xiāngxìn!* (1, II: 148) «Такой молодой парень и подхватил старческий кашель – кто поверит!». При отсутствии темо-рематических показателей, обеспечивающих однозначность актуального членения, потенциально (вне контекста) допустимы различные решения. Так, в первом примере, не считая его возможной монорематичности, может иметь место рематизация как модусной (признаешь или нет?), так и диктумной части (что именно признаешь?).

Переходя к собственно сложным предложениям, заметим, что поскольку придаточная часть является предложенческим выражением обстоятельства, решающее значение

для коммуникативной интерпретации сложноподчиненных предложений приобретает тот факт, что из двух коммуникативных ролей обстоятельство способно только к рематической. Сами по себе эти данные достаточны для того, чтобы чисто дедуктивно, без обращения к материалу, сделать некоторые выводы относительно потенциальных возможностей актуального членения сложных предложений. Так, достаточно очевидно, что сложное предложение может выступать как монорематическое высказывание (типичная ситуация в реальных текстах). Вполне понятно и то, что в рамках монорематического высказывания именно придаточная часть, поясняя главную в отношении тех или иных обстоятельств, легко выдвигается в фокус контраста за счет минимальных интонационных усилий. В свою очередь, фокус контраста допускает рематизацию, например, с помощью коммуникативных служебных слов типа *zhǐ* «только», *zhèng* «как раз», *jiùshì* «именно», в результате чего главная часть обретает статус темы. Какие корректировки привносит в эти абстракции материал?

Материал, прежде всего, демонстрирует избирательность некоторых придаточных предложений по части позиции относительно главного, чем в известной мере предопределяется типичное участие придаточной части в актуальном членении сложного предложения. Например, придаточные времени (...*de shíhòu* «во время») располагаются преимущественно в препозиции к главному предложению, тогда как для некоторых придаточных цели (союзы *hǎo*, *yǐ*, *yǐbiàn*, *jíyǐ* с общим значением «чтобы», *miǎnde* «во избежание того, что...», *shěngdé* «чтобы не допустить...») единственно возможной является постпозиция придаточного. Соответственно, для придаточных времени характерно пояснять главную часть на правах исходного пункта сообщения. Эта коммуникативная роль настолько типична для придаточных времени, что в редких случаях, когда они оказываются в постпозиции (стиль, приближенный к разговорной речи), они (без специальных средств) не выдвигаются в фокус контраста и сохраняют «поясняющее» значение исходного пункта сообщения. Сравним два примера: *tàiyang kuàiyào duòluò de shíhòu, qīle dàfēng* (29: 365) «Когда солнце должно было зайти, поднялся сильный ветер»; *tāmen bāng nǐ chónghōu qīnglǐde chōuti, nǐ bù zàide shíhòu* (29: 312) «Они помогли тебе навести порядок в ящике, пока тебя не было». Оба примера отвечают на вопрос *fāshēngle shénme?* «Что случилось?» и описывают некоторое целостное событие; их интерпретация как уточнение известной ситуации в отношении *времени* выглядела бы явно неестественно.

Материал за пределами придаточных времени (придаточные причины, цели, условия, уступительные) в целом может быть терминологически обозначен как «причинный блок». Для придаточных причины такая интерпретация очевидна, но цель – это причина, «опрокинутая» в будущее, условие – это гипотетическая причина, уступительность – проигнорированная, не принятая во внимание причина.

Для тех придаточных цели, которые допускают только постпозицию, наиболее характерно входить в состав единого монорематического высказывания с одновременным выдвижением в коммуникативный фокус: *tā xuéxí zhōngwén, yǐbiàn liǎojiě Zhōngguó* (4: 115) «Он учит китайский язык, чтобы понять Китай»; *tā háiyǒu shíjiān lái zhěnglǐ tāde sīxù* (1, VI: 153) «У нее есть еще время, чтобы привести в порядок свои мысли»; *dàmén yǐjīng guānshàng, miǎnde wàimiānde xiánrén hùnjìn* (1, IV: 177) «Ворота были уже закрыты, чтобы не лезли всякие зеваки со стороны».

Более широкое рассмотрение материала демонстрирует, что практически каждая разновидность подчинения обладает обширным набором подчинительных средств, позволяющих обеспечить любую позицию придаточного относительно главного. Например, в сфере целевых отношений, помимо рассмотренных выше союзов, обеспечивающих постпозицию придаточного, имеются союзы (*wèi... qǐjiàn*, *wèile... qǐjiàn*, *wèi... jì*, *wèizhe... jì*) столь же жестко обеспечивающие его препозицию, а также союзы, допускающие любую позицию придаточного (*wèi*, *wèile*, *wèizhe*, *wèide*, *wèideshì*).

Причинные отношения по средствам выражения частично совпадают с целевыми. Наиболее употребительные причинные союзы *yīn*, *yīnwèi*, *yóuyú*, *wèile*, *wèide*, *wèideshì* способны обеспечить любую позицию придаточного; ср.: *yīnwèi tāde nǎozili bāoróngde*

dōngxī tài duō, suǒyǐ kànrǎi tāde tóu hǎoxiàng bǐ píngchángde rén dàle diǎn (16: 660) «Поскольку ум его вмещал много всякого-разного, то невольно казалось, что и его голова побольше, чем у обычных людей»; nǚrén suǒshuōde huà kǒngpà duō bù kěkào, yīnwèi xūwéi shì nǚrénde běnsè (6: 1370) «Словам женщины едва ли можно доверять, потому что лицемерие составляет женскую сущность».

Условные союзы весьма многочисленны. Не входя в описание их дистрибутивно-семантических особенностей (подробные сведения на этот счет читатель может найти в работе [Горелов 1963]), ограничимся замечанием, что препозиция придаточных условных является явно преобладающей тенденцией. Вот несколько примеров: gúguǒ méiyǒu zhèxiē gètī shāngfàn, shìjiè gāi jímòde yào sǐ (35: 492) «Если бы не было этих единоличных торговцев, в мире установилась бы смертельная скука»; yàoshi wǒ zìjǐ huì yùn kùzi, gàn mā hái gēn nǐ jiéhūn (35: 295) «Если бы я сам умел гладить брюки, на кой мне было на тебе жениться?»; Jiǎshǐ shàngdì gēn wǒ shāngliangde huà, wǒ jiù huì quàn tā háishi jìxù yòng niántǔ shēngchǎn rénlèide hǎo (34: 239) «Если бы Господь поинтересовался моим мнением, я бы посоветовал ему продолжать творить людей из глины». Вместе с тем в сфере условных отношений также существуют союзы (наиболее употребительные – gúguǒ, yàoshi, zhǐyào, ruòshì, jiǎrú, jiǎshǐ, chūfēi), способные обеспечить любую позицию придаточного; ср.: jíshǐ shì biérén chūmàile wǒ, wǒ yě bù nénggòu chūmài zìjǐ (1, I: 521) «Если другие и предали меня, я все равно не смогу предать саму себя»; tóngyàng, jǐge shànghǎirén dào wàidì qù, wǎngwǎng yě xiǎnde shífēn chùnmù, jíshǐ tāmen bìng bù yīdìng jiǎng shànghǎi huà (32: 166) «Равным образом, стоит куда-нибудь приехать несколькими шанхайцам, они очень бросаются в глаза, даже если они и не говорят по-шанхайски».

Система уступительных союзов, не считая малоупотребительного zòng и его вариантов, представлена двумя группами: «нейтральная» (suī «хотя» и его варианты) и «усиленная» (guǎn – разговорный вариант от jǐnguǎn, bùguǎn «пусть...», а также bùlùn, wúlùn с тем же значением). Контраст нейтральности / усиления хорошо заметен при сравнении следующих двух примеров: hú suī bù dà, què yǒu bù shǎode yěyā chángcháng luò zài nàlǐ (16: 123) «Озеро хоть и небольшое, на нем постоянно обитали дикие утки»; jǐnguǎn gǒu zài jiào, luótuo duì zhàoyàng xíngjìn (16: 462) «Пусть собака лает, караван идет своей дорогой». В коммуникативном плане существенно отметить, что каждый или почти каждый уступительный союз способен обеспечить любую позицию придаточного, что можно продемонстрировать на примере союза suīrán «хотя»: suīrán shì qiūtiān, zhúlínli gēngjiù lǜsēnsēnde (16: 106) «Хотя стояла осень, в бамбуковой роще все зеленело»; wǒ míngbai nǚzide xīnlǐ, bǐ nánzide hái qīngchū, suīrán wǒ shì ge nánzi (7: 250) «Я разбираюсь в женском сердце лучше, чем в мужском, хотя я сам и мужчина».

Представленное выше рассмотрение материала позволяет подытожить коммуникативные возможности придаточных предложений причинного блока при помощи краткой и всеобъемлющей формулы: исходный пункт сообщения в препозиции, коммуникативный фокус в постпозиции при возможной рематизации в каждом из этих случаев.

* * *

Данная статья была задумана как своего рода реклама-эксперимент или эксперимент-реклама. Теоретическую основу статьи составляет синтаксический понятийный аппарат, разработанный нами для описания вьетнамского языка и представленный в монографии [Панфилов 1993]. Говоря упрощенно, в этом описании вьетнамские примеры были заменены китайскими. Сопротивление материала оказалось нулевым. Следовательно, эксперимент следует признать удачным, а рекламу – добросовестной, не вводящей потребителя в заблуждение. Вместе с тем, в статье рассматривались коммуникативные возможности тех или иных синтаксических структур. Следующий вопрос – каково соотношение различных коммуникативных построений в реальных текстах. Но на этот вопрос ответит уже кто-нибудь другой.

- Ахманова 1966 – О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Вольф 1985 – Е.М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Гак 1975 – В.Г. Гак. Коммуникативные трансформации и системность средств выделения во французском языке // Филологические науки. 1975. № 5.
- Горелов 1963 – В.И. Горелов. Союзы в сложном предложении современного китайского литературного языка. М., 1963.
- Драгунов 1952 – А.А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. 1. Части речи. М.; Л., 1952.
- Ковтунова 1979 – И.И. Ковтунова. Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М., 1979.
- Матезиус 1967 – В. Матезиус. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Николаева 1972 – Т.М. Николаева. Актуальное членение – категория грамматики текста // ВЯ. 1972. № 2.
- Николаева 1977 – Т.М. Николаева. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики // ИАН СЛЯ. 1977. Т. 36. № 4.
- Николаева 1979 – Т.М. Николаева. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- Николаева 1982 – Т.М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Падучева 1985 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Панфилов 1993 – В.С. Панфилов. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993.
- Ревзин 1973 – И.И. Ревзин. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Ревзин 1977 – И.И. Ревзин. Современная структурная лингвистика. М., 1977.
- Тань Аошуан 1995 – Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка): Дис. ... докт. филол. наук. 1995.
- Цуканов 1982 – А.М. Цуканов. К вопросу о факультативности словоизменительных форм китайского языка // Восточное языкознание. Факультативность. М., 1982.
- Чейф 1982 – У.Л. Чейф. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
- Шевякова 1984 – В.Е. Шевякова. О некоторых закономерностях взаимодействия интонационных и синтаксических средств выражения грамматического значения // ВЯ. 1984. № 4.
- Cáo Féngfǔ 1996 – Cáo Féngfǔ. Hànyǔde tíshēng dòngcí // Zhōngguó yǔwén. 1996. № 3.
- Fàn Kāitài 1985 – Fàn Kāitài. Yǔyòng fēnxī shuōluè // Zhōngguó yǔwén. 1985. № 6.
- Hànyǔ 1958 – Hànyǔ jiàokeshū I, II. Běijīng, 1958.
- Huáng Nánsōng 1994 – Huáng Nánsōng. Shìlùn duǎnyǔ zìzhǔ chéngjù suǒyīng jùbèide ruògān yǔfǎ fànchóu // Zhōngguó yǔwén. 1994. № 6.
- Kǒng Lìngdá 1994 – Kǒng Lìngdá. Yǐngxiǎng Hànyǔ jùzi zìzúde yǔyán xíngshì // Zhōngguó yǔwén. 1994. № 6.
- Lǐ Nè et al. 1998 – Lǐ Nè, Ān Shāndí, Zhāng Bójiāng. Cóng yǔfǎ juédù lùnzhèng yǔqìcí «de» // Zhōngguó yǔwén. 1998. № 2.
- Lín Yǔwén 1985 – Lín Yǔwén. Tán yíwèn jù // Zhōngguó yǔwén. 1985. № 2.
- Liú Yuèhuā 1989 – Liú Yuèhuā. Hànyǔ yǔfǎ lǚnjí. Běijīng, 1989.
- Sòng Yùzhù 1981 – Sòng Yùzhù. Guānyú shíjiān zhùcí «de» hé «láizhe» // Zhōngguó yǔwén. 1981. № 4.
- Tán Jǐngchūn 1992 – Tán Jǐngchūn. Shuāngxiàng hé duōzhǐ xíngrongcí jí xiāngguānde jùfǎ guānxi // Zhōngguó yǔwén. 1992. № 2.

- Fáng Qǐyùn 1958 – *Fáng Qǐyùn*. Guānyú liándòngshì hé jiānyǔshìde qǔxiāolùn // Zhōngguó yǔwén. 1958. № 2.
- Wáng Huán 1983 – *Wáng Huán*. Yīngyǔ hé Hànyǔde bèidòngjù // Zhōngguó yǔwén. 1983. № 6.
- Xiu-Zhi Zoe Wu 2004 – *Xiu-Zhi Zoe Wu*. Grammaticalization and language change in Chinese. A formal view. London; New-York, 2004.
- Xú Dān 1994 – *Xú Dān*. Guānyú Hànyǔli «dòngcí + X + de dīncí» de jùxíng // Zhōngguó yǔwén. 1994. № 3.
- Yán Yībīng 1965 – *Yán Yībīng*. Guānyú dòngcí hòuzhuì «de» // Zhōngguó yǔwén. 1965. № 6.
- Yú Mǐn 1957 – *Yú Mǐn*. Hànyǔde jùzi // Zhōngguó yǔwén. 1957. № 7.
- Zhèng Yìdé et al. 1992 – *Zhèng Yìdé, Mǎ Shèng, Jìng Héng, Liú Yuèhuā, Yáng Jiāróng*. Hànyǔ yǔfǎ nándiǎn shìyí. Běijīng, 1992.
- Zhōu Yīmín 1998 – *Zhōu Yīmín*. Běijīng kǒuyǔ yǔfǎ. Běijīng, 1998.